

НАТАЛИЯ РОМАНОВА

Чем пахнет
ДОЖДЬ

Наталия Романова

Чем пахнет дождь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70106593

Аннотация

После развода я вернулась с сыном в родной город, где судьба постоянно сталкивает меня с тем, с кем я надеялась никогда больше не увидеться – моей первой любовью. И я безумно боюсь, что он догадается о моей тайне, ведь мой сын – его маленькая копия.

– Приглашаю в гости тебя и Тимура, – терпеливо повторил он. – Можешь отказаться, тогда я порву это, – показал глазами на растерзанный лист с собственной подписью. – Тебе нужна работа.

Не успела я ответить, как услышала:

– Завтра в восемь утра заезжаю за вами. Заодно придумай удобоваримую версию, почему сын моряка не знает, кто его родной отец.

– Что?.. – подскочила я, попяtilась к двери.

– У тебя есть время подумать, каким образом твою светлую голову посетила мысль прятать от меня сына, – повторил он, заставляя мои ноги подкоситься.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталия Романова

Чем пахнет дождь

Глава 1

– Мам, а почему в нашей квартире чужой дядя? – Тима пытливо смотрел, в ожидании ответа.

– Дядя – сосед, – пояснила я.

– А почему он не в соседской квартире, а в нашей? – сын нахмурился, сведя брови над светло-карими глазами, недовольно надул губы.

Невольно пробежали мурашки по спине, с каждым годом схожесть сына с отцом становилась очевидней, и я никак не могла решить, хорошо это или плохо. Чаще не думала об этом, но порой всё-таки вздрагивала от нахлынувших, таких ненужных воспоминаний. Сейчас, когда каждый угол кричал о прошедшем, вздрагивать приходилось постоянно.

– Это и его квартира тоже. Она... общая, коммунальная, – попыталась объяснить, в который раз мысленно обругав себя за все ошибки разом, которые совершила.

Жил человек до пяти лет, не тужил. С мамой, папой, друзьями по двору и детскому садику, понятия не имел, что существуют коммунальные квартиры, проходные дворы-колодцы, крошечные детские площадки, где из зелени

лишь пара узких газонов да покосившейся тополь. В последний раз он видел это года в три, естественно забыл, сейчас заново знакомится, не понимая, что на ближайшие годы – это его действительность.

Моя тоже, но свой выбор я сделала сама, за Тиму решили, не спрашивая.

Только кто о таком спрашивает ребёнка? Какой смысл? Хочешь ли ты, чтобы твои мама и папа развелись, папа уехал на один край страны, мама на другой? Любой ребёнок ответит «нет», поэтому и не спрашивают.

– Как общежитие, – добавила я.

Про общежитие сынишка слышал, даже видел пару раз, но я не была уверена, что запомнил.

– А та старенькая бабушка тоже соседка? – уточнил Тима.

– Да, – кивнула я.

– А наша бабушка?

– Наша бабушка не соседка, она – твоя бабушка, моя мама. Дедушка – твой дедушка, мой папа, – предвосхитила следующий вопрос.

– Тогда почему соседи живут с нами? – продолжал настаивать Тима. – Почему та бабушка-соседка ходит в нашу ванную? Зачем столько столов на кухне? И ты всегда говорила, что есть нужно на кухне, а тут мы едим в комнате!

Миллион вопросов в минуту, сотни уточнений, пояснений, справедливого недовольства, искреннего любопытства и детской непосредственности.

– Доедай кашу, – отвлекла я. – Банан будешь?

– Яблоко буду, – показал в сторону фруктовницы. – Мы пойдём смотреть на корабли? – наконец-то сынишка отвлёкся от темы соседей.

Тема ничуть не лучше, военные корабли – страсть сынишки, которая исчезла из его жизни, как и отдельная детская комната, велосипед, на котором можно гонять по двору, многочисленные друзья и приятели.

– Сейчас кораблей нет, – вздохнула. – Придут на день флота, и будет салют, – приободрила поникшего Тима.

Он закатил глаза, подпёр щеку кулачком, задумчиво вздохнул, выдал результат недолгих раздумий:

– Через два месяца?

– Через два месяца и две недели, – пояснила я.

– Понятно, – Тима недовольно глянул на меня, насупился, отодвинул тарелку с кашей. – Не хочу.

– Ладно, – согласилась я, чтобы не усугублять конфликт. – Поехали в парк аттракционов?! – с наигранным энтузиазмом предложила я, несмотря на то, что развлечения было последним, о чём думалось.

Нужно было решить сотню проблем и проблемок, начиная от поиска работы, заканчивая устройством сына, последнее летом было чем-то на грани фантастики. Детские сады закрывались, любые кружки тоже, оставались летние лагерь, куда пятилеток почти не брали, да и побоялась бы я отправить сынишку одного, и частные сады, забытые до отка-

за. Родители работали в полную силу, маме обещали отпуск в июле, отцу тоже, в один голос они сказали, что проведут его с внуком, но пока готовы подхватывать лишь вечерами, значит, вопрос устройства стоял первостепенно.

Да уж, нашла время менять жизнь...

– Поехали!

Тима спрыгнул со стула, радостно начал скакать с криками: «Мы идём в парк аттракционов! Мы идём в парк аттракционов!»

Три дня как мы приехали, всё это время я разбирала коробки, распахивала по местам вещи, искала то одно, то другое, то третье, заново привыкала к дому, в котором выросла. Тима в это время был предоставлен сам себе, развлекал себя конструкторами, рисованием карт, книжками, мультиками, компьютером, вечером ходил с бабушкой гулять на ближайшую детскую площадку, где почти не встречалось его ровесников.

Что ж, стоило показать, что на новом месте жительства есть и хорошее, хотя бы парк аттракционов, а не только отсутствие военных кораблей и соседи прямо в нашей квартире.

Перед выходом глянула на себя в зеркало, в последний момент мазнула блеском по губам, дав очередной зарок не ходить чучелом.

За годы замужества отвыкла краситься, прихорашиваться, покупать стильную одежду. Не потому что денег не бы-

ло, были. Офицерам Северного флота платили прилично, на декоративную косметику и модные вещички жёнам хватало точно, просто смысла не видела. Местных бакланов, чаек поражать красотой, или мужа?.. Последний не замечал меня, словно я пустая стена. Он вообще не замечал никого и ничего, кроме алкоголя, за что и поплатился.

Джинсы, кроссовки, футболки, ветровки, кардиганы – вот мой стиль последние годы. Удобно, практично, не продует, не промокнет, не холодно, не жарко, не марко, что ещё нужно, когда всё, что видишь вокруг – серые панельные дома на фоне серого же Баренцева моря, а всё что ждёт – точно такая же безнадёга и беспросветная, бесконечная, как океан, тоска.

Пожалуй, единственное, что я сделала правильно в своей жизни – это родила сына и развелась с мужем, покончив с собственным браком, тащить который больше не могла, ни физически, ни, главное, морально. Сделала я это поздно, пройдя все стадии принятия и резко, буквально за несколько дней, поняв, что дальше – ад не только для меня, но и для Тимы.

Вова, так звали бывшего мужа, не сразу начал пить, не стал горьким пьяницей в один день. Поначалу выпивал не чаще остальных, со временем стал больше – постепенно увеличивался литраж, потом чаще, больше и крепче, пока не попал под сокращение. По сути, наказание за почти беспробудное пьянство. Доходило до того, что умудрялся на-

жраться до зелёных соплей на вахте, боевом посту, на что командование смотрело недолго и без всякого понимания. Вышвырнули без всяких сожалений и разговоров, спасибо, обошлось без суда.

Я же оказалась паршивой женой, не последовала за мужем на новое место жительства, к свекрови под бок, в дом под сенью фруктовых деревьев в забытой богом странице Кубани.

– Дом построим, Милка, – пьяно рассуждал Вова, заглядывая рюмку за рюмкой. – Фермером стану, как Василий, поля засажу. Жить будем припеваючи! А климат, климат там какой! И мать, опять же, рядом, с малым поможет.

Я кивала, мысленно подсчитывая личные сбережения, строила планы на собственное будущее, отдельно от мужа. Фермером станет, поля засадит, мама рядом, с Тимой поможет. Мама-то рядом, только ближе самогонный аппарат, который работал у Тамары Степановны почти безостановочно, Вова так же безостановочно пил, когда мы приезжали в отпуск. Свекровь я понимала, пошло она продавала, в отсутствие работы и сезонного дохода постоянная копейка лишней не была, но мужа не могла.

С Тamarой Степановной у нас отношения не сложились, но и сильных конфликтов вспомнить не могла, просто постоянно чувствовала глухое недовольство в свой адрес, начиная с внешности, заканчивая привычками. Всё было не так, как хотелось ей.

Первое, что она выговорила сыну, увидев меня,

что мог бы невесту и посправней найти. Я, в представлении Тамары Степановны, слишком уж худая, здоровая женщина выглядеть так не должна. К тому же жердь, рядом со мной драгоценный сынок смотрится неказисто, прямо как папаша его непутёвый. Посоветовала запретить мне носить обувь на каблуках, чтобы с ростом метр семьдесят не казаться выше мужа. Никакие шуточные уговоры Вовы, который поначалу пытался защищать свой выбор, не помогали. Худая, значит, больная, врачи вечно ерунду несут. В женщине сила нужна, какая сила в черенке от лопаты?

Позже оказалось, что я совершенно безрукое, не пригодное для хозяйства существо. Не торопилась консервировать помидоры, которые свёкор носил с огорода ящичками, не вставала до зари, чтобы вымесить тесто на пироги, не варила борщ пятилитровыми кастрюлями, отчего, конечно, её младшее чадушко невыносимо страдало.

И не ела этот несчастный борщ трижды в день, на завтрак, обед и ужин, помимо остальных блюд, обязательно жирных, для сытости, с томатом и зеленью. От такой диеты сводило живот, тошнило, приготовить что-то своё было невозможно, во-первых, это оскорбляло Тамару Степановну, во-вторых, любое моё блюдо сопровождалось красноречивыми комментариями, мол, ясно, отчего мы всей семьёй синюшные приезжаем. Ни витаминов в моей стряпне, ни сытости, ни пользы.

С появлением Тимы напряжение нарастало. Свекровь

недовольно поглядывала в мою сторону, пытливо расспрашивала, от кого ж внуку карие глаза достались, если у Вовы серые, у меня голубые. И оба мы русоволосые, Тима же, сразу видно, с возрастом потемнеет.

– У меня дед из Молдавии, – не обманывала я.

Дедушка действительно приехал из Молдавии, женился на бабушке и остался там, где она жила. Вот только какие у него были глаза, понятия не имела. На мутных чёрно-белых фотографиях все казались кареглазыми.

– Цыган, выходит?

– Выходит, – морщилась я, подтверждая.

Пусть цыган, хоть какое-то объяснение... генетика бес- сильна объяснить, пусть дед-цыган отдувается.

Вова собирался построить дом на участке родителей, пойти по стопам старшего брата Василия, трудиться, не зная отдыха. Рассказывал, как отлично мы заживём. Он будет сеять и пахать, я торговать собственноручно выращенными овощами и фруктами на базаре. У матери огород огромный, на теплицы места хватит, на грядки, на парники, которые называл «балаганами». Деньги по лёгкому сшибать начнём.

Тима пойдёт в местную школу, девятилетка, правда, зато точно «дерьма всякого толерантного» не нахватается. Ещё родим пацана, лучше двоих или троих, чтобы род продолжить, не только же Василию каждый год по ребёнку клепать, мы не хуже, а то вообще девку притараканим – именно таким словом, «притараканим», – вот все удивятся-то! Ни-

когда девочек не было, у нас появится!

Только я отлично понимала, что никакой дом Вова не построит, пахать наравне с Василием не станет, продолжит пить горькую до неменяемого состояния, отлёживаться и снова пить. Я буду торговать на базаре овощами, но не теми, что вырастил муж, а с огорода свёкров, попаду в полную зависимость, придётся отрабатывать, да и не сядешь на их шее за компанию с мужем. Стану есть борщ трижды в день, и самое страшное – действительно рожу. От алкоголика!

Итог семейной жизни оказался банальным: я вернулась в коммунальную квартиру в центре Питера, к родителям, имея на руках пятилетнего сына, небольшую сумму денег, несколько коробок и чемоданов вещей, смешной опыт работы и нулевые перспективы на будущее.

Долго размышлять о житье-бытье не получилось, Тима дёрнул за руку, ухватившись крепкой, как у отца, ладошкой.

Зажмурилась, прогнала горький морок. Просто переезд, родные стены, нахлынувшие воспоминания, растревоженная переменами нервная система, перегрузка эмоций, поэтому мечутся мысли, не дают покоя сердцу. Скоро всё пройдёт.

Лифт, в нашем случае двухместная гремющая кабинка с распашными дверцами и грохочущая на всю парадную металлическая дверь, не работал. Обычная история, кто-нибудь не защёлкнет тугой замок, лифт стоит, как привязанный, на этаже, где вышел последний пассажир.

Ничего страшного, всего-то пять этажей с огромными лестничными площадками между пролётами, с высокими окнами и метровыми подоконниками. Красно-белая плитка на полу, дореволюционная, каким-то чудом не сбитая за век, деревянные, полукруглые перилла. Остатки лепнины, как попало заляпанные слоями штукатурки, на потолке и стенах. Всё привычное, родное, будто никуда не уезжала, даже спёртый воздух центра, поднимающийся от асфальта двора-колодца, тот же самый.

– Добрый день! – звонко произнёс Тима на четвёртом этаже. – Ой, утро! – тут же поправился, скосив на меня взгляд.

Вежливый мальчик, там, где он рос, все знали друг друга, не поздороваться с соседями в подъезде было чем-то немыслимым, подобное позволялось совсем крохам, впадшим в маразм старикам да почти всегда пьяному Вове.

– Добрый, – ответил мужской голос, запуская тембром моё сердце вскачь.

Я нервно сглотнула, не веря себе, переступила с ноги на ногу, нервно дёрнула рукой, оправляя одежду, можно подумать, светлые джинсы, футболка, кроссовки и спортивная ветровка по мановению превратятся в нечто стильное, а обычный хвост на голове – в хорошую причёску.

Чёрт! Этого не должно было случиться, он давно не живёт здесь, если и появляется, то... мы попросту не должны были встретиться, во всяком случае, сейчас, лучше же – никогда.

Светло-карие глаза, один в один как у нашего сына, вни-

мательно всмотрелись сначала в Тима, потом бегло глянули на меня, вскользь, как на ничего не значащий объект, безынтересный, как глупое граффити на свежевыкрашенной стене. Надо бы сказать управдому, чтобы закрасили, если не забудешь.

Быстро опустила голову в надежде, что обладатель прожигающего взгляда и обволакивающего тембра меня не узнает. Сколько времени прошло, я изменилась, пусть не до неузнаваемости, но изменилась, должна была. Уставилась на свои кроссовки, благо не разношенные в хлам, перехватила ладошку Тимы.

Краем глаза, проходя мимо, рассмотрела широкую спину в пиджаке, коротко подстриженные волосы, некогда слегка выющиеся, отпаренные брюки со стрелками, строгие ботинки, не чета моим кроссовкам. Рядом женщина в элегантном платье, в лодочках на высоченном каблуке, тоже спиной к нам с Тимой, лицом к входной двери, которую им должны открыть. И огромный букет, который сжимала мужская ладонь, точно такой же формы, как у моего сына.

Глава 2

Частного сада в округе не нашлось, зато обнаружилась неплохая альтернатива на первое время. Группы раннего развития, где можно оставить ребёнка на шесть часов в день, с питанием и дневным сном, если ребёнок нуждался. На оставшиеся несколько часов предлагались кружки, например, подготовка к школе. Удовольствие выходило дорогое, но было единственным выходом.

Я ходила в отдел образования, где меня заверили, что после решения всех юридических тонкостей, к сентябрю место в садике нам найдут обязательно, пока же помочь ничем не могут, и подсказали эти самые группы раннего развития.

С работой выходило хуже. Опыт у меня был, но очень скромный. Когда-то я окончила медицинский колледж в надежде стать косметологом и начать зарабатывать. Параллельно училась на нескольких курсах, думая, что закладываю первый кирпичик в фундамент собственной финансовой стабильности.

Я и правда все годы замужества работала косметологом, только уровень моего мастерства на фоне шагнувшей далеко вперёд отрасли оставлял желать лучшего, как бы ни старалась я поддерживать квалификацию.

Поначалу работала на дому, для небольшого военного городка с одним-единственным салоном красоты в подвальном

помещении, услуги оказались востребованными. Оборудовала кабинет в одной из комнат, старалась изо всех сил наработать клиентуру и репутацию.

После рождения Тимы стало сложнее, приходилось подстраиваться под график малыша, но мои клиентки были в основном жёны офицеров, которые вынужденно находились в роли домохозяек, потому с лёгкостью входили в положение и соглашались перенести визит в случае форс-мажоров.

Когда зависимость Вовы начала выходить из-под контроля, стало тяжелее. Одно дело, когда в кабинет время от времени заглядывает любопытный ребёнок (и то, я изо всех сил старалась увлечь сынишку, чтобы не возникало казусов), совсем другое – когда по квартире шарится пьяный мужик, а то и ломится поговорить.

Пришлось снимать крошечное помещение, что в итоге вылилось в лишние расходы и сократило и без того скромный доход. Я выкручивалась, старалась не экономить на материалах, чтобы не страдало качество работы, не разбежалась с трудом наработанная клиентура, в итоге в последний год всё чаще выходила в ноль...

Приходилось утешаться надеждой, что однажды всё изменится, рано или поздно я вернусь к своему привычному доходу. В конце концов, мы не голодали, мне не приходилось думать о платежах за квартиру, ценах на продукты, оплату занятий Тима, эти потребности перекрывал Вова.

Несколько раз я вырывалась на курсы повышения ква-

лификации, пыталась внедрить новые услуги, но понимала, что всё, что я делала – каменный век. Дорогостоящая аппаратная косметология была мне недоступна, инъекционная, за редким исключением, тоже.

Сейчас я не пыталась запрыгнуть в последний вагон, я пыталась на допотопной дрезине догнать несущейся скоростной поезд, и, конечно же, ничего не выходило. Открыть, как когда-то давно кабинет на дому, было невозможно, коммунальная квартира не располагала, аренду помещения позволить себе я попросту не могла. Основные бы нужды закрыть.

Дав себе две недели на поиски, я твёрдо решила, что если ничего не получится по специальности, выйду к маме продавцом на рынок. Ничего страшного, не переломлюсь, зато стабильный доход. Она трудилась там почти всю жизнь, начиная с того времени, как приехала в этот город, и не собиралась менять способ заработка.

В двадцать лет я предположить подобного не могла, казалось, я всё-всё рассчитала. Сейчас же была готова на любое решение вопроса. У меня рос сын, долго выбирать, думать, я не могла себе позволить.

Забрала Тима с занятий, сынок выскочил довольный, в хорошем расположении духа. Наконец-то у него появились приятели-ровесники и занятие, конечно, не такое увлекательное, как разглядывать военные корабли, но рисовать тоже весело, как и лепить из глины флотилию.

Мы зашли в магазин. Хозяйство, пока не устроилась на работу, я взяла в свои руки, всё-таки какая-то компенсация неудобств. Родители ничего не говорили, не упрекали, наоборот, изо всех сил поддерживали, старались приободрить, но я понимала, что расстроила их разводом.

Если бы они были в курсе проблем Вовы с алкоголем, знали, во что превратилась моя семейная жизнь, особенно последние два-три года, они бы приняли ситуацию проще, но я скрывала, не рассказывала, думала, что само рассосётся. Увы, алкоголизм не рассасывается.

А ведь они до последнего верили, что дочь удачно вышла замуж, всё у неё отлично. Муж офицер, своё дело, пусть не приносящее миллионы, но ведь своё собственное, перспективы – не всегда же Вова будет служить, рано или поздно уволится, а та-а-ам, хочешь у Ледовитого океана оставайся, хочешь на юг отправляйся, можно и в Питере осесть.

Когда Вова сделал мне предложение, родители радовались сильнее меня, говорили, что я не понимаю своего счастья. Это когда-то офицеры голодные ходили, на пайке из жёлтого минтая выживали, сейчас всё изменилось. Нужно выходить замуж и не думать.

Я вышла. Действительно, какие огромные перспективы открывались передо мной в родном городе? Косметологом, как тогда казалось, можно работать в любой части страны. В бытовом же плане я выигрывала.

По прибытии на место службы нам дали отдельную квар-

тиру, что казалось настоящей фантастикой. Вот так – раз, и у тебя квартира! Пусть служебная, но всё равно своя.

Родители мои отправились в Питер искать счастья, когда мне было три года. Оставили с бабушкой и дедом, тем самым, из Молдавии. До семи лет я жила в небольшом селе в центральной полосе, наследии социалистического строя, в совхозе имени Ильича. Никакого совхоза к тому времени там не осталось, а название существовало. Село «Совхоз имени Ильича» – вот такой парадокс.

К моему первому классу они осели в четырехкомнатной коммунальной квартире, сняв на долгое время восемнадцатиметровую комнату с балконом и видом на проспект. Со временем комнату удалось выкупить, следом вторую, для чего пришлось влезть в немалые долги.

Совсем недавно одинокая соседка – божий одуванчик, помнящая революцию, подписала договор ренты с мамой, за что та честно ухаживала за старушкой и впоследствии должна была получить комнату. Сосед же по последней из четырёх комнат своё имущество сдавал в аренду, но вариант продажи рассматривал, естественно, втридорога. Отец был готов влезть в любые долги ради этого.

Огромный путь! Несомненно, моим родителям, самым простым людям, без образования и связей повезло. Без удачи самый честный и тяжёлый труд не приносит таких плодов. А дочь, как по мановению волшебной палочки оказалась в отдельной, просторной квартире!

Выбрались из магазина, вместе неся большой пакет. Тима больше мешал, оттягивая ручку вниз, волоча полиэтилен по асфальту, грозя разбить банку с маринованными огурцами, но я не возражала. Ему хотелось помочь маме, не спорить же.

Прошли несколько метров под накрапывающим дождём, как вдруг, словно небеса разверзлись, такой силы ударил ливень. Мгновенно намокли плечи, влага стекала по спине, груди, ягодицам. Быстро выхватила ветровку, которая болталась на ремешке сумки, закутала счастливо хохочущего Тиму. Весело ему под леденящими струями, а если заболит?

Побежали в сторону ближайшей арки, где уже толпился народ, пытаюсь спрятаться в небольшом пятачке между закрытыми воротами и стеной воды. Мне места почти не хватило, несмотря на то, что все, кто стоял, подвинулись. Тиму затолкали поглубже, пряча от дождя.

– Сейчас пройдёт, – предрекал кто-то поглядывая на небо.

– Да, долгим не будет, – соглашались с ним.

Питер – город дождей, но чаще это бесконечная, стоящая в воздухе изморось или тягучий, обложной, бесконечный, льющийся со всех сторон сразу, даже от асфальта дождь. Ливни же поздней весной и в начале лета всегда быстротечны и сильны. Горожане пережидают в арках, под козырьками парадных и магазинов, бегут дальше по своим делам.

Мимо проплывали автомобили, медленно собирая пробку на дороге. Я видела, что Тима держится за ручку пакета,

стоявшего на земле, который я придерживала ногами, чтобы не развалился, и бесцельно смотрела на поток машин. Давно не видела столько дорогих иномарок одновременно. Эконом-класса авто в нашем военном городке были, среднего тоже. У нас имелся подержанный кроссовер, пока я не настояла на продаже, застукав бывшего мужа пьяным за рулём. Вальяжные седаны представительского класса, настоящие монстры на независимой подвеске, кабриолеты, сейчас заботливо укрытые крышей, не встречались.

На перекрёстке загорелся красный, поток снова остановился, напротив затормозил серебристый автомобиль, недовольно клацнув клаксоном – какая-то ненормальная бабулька решила шагнуть на проезжую часть, воспользовавшись тем, что машины медленно, но неминуемо останавливались.

– Жить надоело, бабка! – раздался возмущённый голос, который, как я ни пыталась, забыть не смогла.

Ливень тем временем быстро сходил на нет, стоявшие со мной начали расходиться по своим делам, кто-то наперерез машинам, вслед за бабкой. Не успела я и глазом моргнуть, как осталась одна с Тимой, посередине арки, как монумент нерасторопности.

– Милана? – голос обращался напрямую ко мне, а у меня не было никакой возможности испариться.

Хоть бы кто-нибудь вышел из ворот, рванула бы во двор, прихватив с собой сына, но никто не выходил.

– Мама, тебя дяденька зовёт! – дёрнул мою руку Тима,

показывая на «дяденьку» в открытом боковом окне автомобиля.

– Дядя ошибся, – спешно ответила я, подняла пакет, схватила сынишку за руку и рванула в другую от дома сторону.

– Нам туда! – возмущился, потянув в противоположную сторону, не к месту сообразительный Тима.

– Дядя не ошибся, – услышала я за своей спиной и замерла.

Застыла, слилась с асфальтом подошвами промокших кроссовок, оцепенела, превращаясь в какой-нибудь сталагмит, готовый рвануть, куда глаза глядят, не глядя и не сообщая.

– Довежу, – поставил меня в известность виновник моего состояния, близкого к танатозу¹, выхватил из моей руки пакет и осторожно притронулся к моему плечу, заставляя обернуться. – Зелёный сейчас загорится.

Что мне было делать? Выхватывать пакет обратно, орать, напугать сына, который спокойно наблюдал за происходящим, бросая восхищённые взгляды на машину незнакомца? Не эсминец или десантный корабль, но тоже интересная штука. Пошла вслед, крепко держа Тиму за крепкую ладонь.

Устроились мы на заднем сидении, огляделись. Огромная панель, светящаяся в комфортном полумраке просторного

¹ Танатоз – (от греч. thanatos смерть), защитная реакция некоторых животных, выражающаяся в способности притворяться мёртвыми; замирание.

кожаного салона. Прямо космический корабль, а не автомобиль.

– Это ваша машина? – уважительно протянул Тима, оглядевшись.

– Моя, – ответили с переднего сиденья.

– Красивая, – одобрительно кивнул Тима.

И я готова была поклясться, что в этот момент водитель легко улыбнулся, приподняв уголок губ и краешками глаз, почти незаметно для окружающих.

Авто свернуло к арке в наш двор, ворота распахнулись, приглашая. Через минуту машина ловко и аккуратно припарковалась, сверкнув какими-то датчиками, и заглохла.

Нам помогли выбраться. Сначала выскочил Тима, его приподняли и осторожно поставили на ноги, мне же протянули руку, на которую я уставилась, как на символ чумы в средневековой Европе.

В итоге выбралась, избегая прикосновения, косясь на любезно протянутую ладонь, словно она может убить... Ладно – убить, хуже! Обхватить, притянуть, обнять...

Нет! Об этом нельзя думать. Запрещено! Табу!

Процессией из трёх человек мы покинули двор, свернули к нашей парадной, зашли во внутрь, ныряя в полумрак с яркого солнца, поднялись на несколько ступеней, остановились у лифта, в котором помещаются лишь два человека.

А если один из них отнюдь не крошечного роста и телосложения, то второй неминуемо оказывается в опасной бли-

зости, слишком интимной, нарушающей все возможные личные границы.

Нет...

– Держи, – мне протянули пакет, нажали на кнопку лифта, тот загремел где-то сверху и с грохотом пополз вниз. – Пешочком поднимусь, – услышала я и с видимым облегчением выдохнула.

– Вы тоже наш сосед? – поинтересовался Тима.

– Почти, здесь живёт моя мама.

– А как вас зовут? – продолжились расспросы.

– Эльбрус.

– Как гору? – Тима аж подпрыгнул от восхищения.

– Как гору, а тебя?

После небольшой паузы Тима вдруг решил назвать полное имя, хотя обычно его игнорировал:

– Тимур.

– Приятно познакомиться, Тимур, – отозвался Эльбрус и протянул руку.

Тима уверенно ответил на рукопожатие под одобрительным взглядом точно таких же светло-карих глаз.

Глава 3

На нужный этаж пришлось топтать пешком, волоча огромные пакеты с провизией на полтора дня для пятерых прожорливых глоток, вернее, две глотки – парней. Три девушки, включая меня, столько еды не осият и за неделю.

Зима наконец-то решила покинуть город. Запахло весной, в начале апреля проскочило несколько по-настоящему тёплых дней, потом снова выпал снег, который тут же растаял, обещая вернуться ещё пару раз, но чувство, что вот-вот начнётся самая настоящая весна, будоражило молодые организмы.

Идея отправиться за город принадлежала парню Кристины – моей одноклассницы. Кристи я знала почти четыре года, а её парня с семи лет, даже дольше, учитывая, что мы были соседями и учились вместе с первого по девятый класс.

Звали его Егор Сабуровов, полное имя Георгий, но для одноклассников он был и оставался Егором. Отношения у нас всегда были ровные, друзьями никогда не были, врагами тоже.

Рядом с домом располагалась одна из лучших в городе языковых гимназий, там мы и учились. Мама считала, что просто обязана дать мне самое лучшее образование из возможного, поэтому меня, в отличие от других детей неустроенных коммуналок, водили на подготовительные

курсы при школе, которые стоили, как крыло от Боинга, и по результатам экзаменов зачислили в первый класс.

Вопреки распространённому мнению учиться было не слишком дорого. Выдавали бесплатные учебники, учителя оставались после уроков, чтобы бесплатно помочь отстающим, вели элективы. Денежные сборы были на подарки, бесконечные экскурсии и лекции, но пустить по миру родителей со средним доходом никак не могли.

И тяжело. Знания требовали твёрдые, в случае пропусков, болезней, неуспеваемости беспощадно ставили двойки, прозрачно намекали родителям, что ребёнка лучше забрать в школу «по способностям» в его же интересах.

Кого-то переводили в заведения с другим уклоном, к пятому классу несколько человек ушли в физико-математические школы, на их место приходили другие, но костяк класса оставался одним и тем же.

Я ушла после девятого вместе с двумя другими девочками. Они отправились учиться в Англию, а я в колледж, став едва ли не единственной за многолетнюю историю гимназии, не поступившей в институт.

Маму вызывали на беседу, объясняли, что я совершаю огромную ошибку. С блестящим знанием языка, возможностью достойно сдать экзамены... и вдруг колледж. Родители были согласны с доводами учителей, только я оставалась непреклонна.

Я хотела связать жизнь с медициной, вернее, косметоло-

гией, в первую очередь, потому что видела в этом перспективу. Папа доказывал, что сможет потянуть обучение в медицинском институте столько, сколько необходимо. Мама плакала, причитала, что я ломаю себе жизнь. Она в своё время окончила техникум, не пошла в институт, и где теперь? За прилавком на рынке!

Не послушала, ушла в медицинский колледж, проучилась почти четыре года, параллельно на косметолога, в скором времени планировала зарабатывать приличные деньги.

Что было бы, послушай учителей и родителей? В те же двадцать лет торчала бы на втором курсе меда. В перспективе ещё четыре года института, поиска средств на ординатуру, безденежье, потому что «хлебные места» заняты дочками и сыночками.

Одним словом, в те дни я была уверена в своей правоте, если нет реальных возможностей трудоустройства, зато есть нужда – незачем учиться на какого-то мифического менеджера или юриста, тем более врача. Ищи ремесло и живи им.

Сабуров окончил одиннадцать классов, поступил в Первый медицинский, планировал заниматься медицинской кибернетикой – полнейшей казуистикой для меня.

С Кристи они познакомились на новый год, на базе отдыха, куда мы отправились дружной компашкой, состоящей в основном из нашей группы. Соседний домик снимали студенты университета им. Павлова, такие же шумные и поддаваемые, как мы.

Мы не удивились с Егором, столкнувшись нос к носу. Проявили такое же вежливое безразличие, как в школе. После встречались в компании, которая постепенно стала общей, придерживались привычного нейтралитета. Привет, пока – вот и всё общение.

– Как вы здесь живёте? – ворчала Кристи, волоча пакеты вверх.

Она выросла в частном секторе Таганрога, окна её детской комнаты выходили на Азовское море. Центр Питера приводила её в уныние. Обшарпанные стены домов-колодцев, узкие проходные дворы, с бесконечными арками, клочки серого неба, едва-едва видимого из окон старых квартир.

– Нормально, – равнодушно пожала я плечами. – Зато смотри, лепнина, красота, – улыбнулась криво, показывая взглядом на карниз с цветочным орнаментом и маскаронами.

Карниз остался, барельеф кое где покрывали неровные бугры штукатурки, покрытые водоэмульсионкой.

– Как бы эта красота на голову не свалилась, – засмеялась Кристи.

– Вот выйдешь за Сабурова, будешь каждый день здесь ходить, – пропела я. – Может, тогда и свалится.

– Замуж? – наиграно фыркнула Кристи. Выскочить за такой подарок судьбы, как Сабуров, лишним бы не стало. – Нафиг надо! К тому же, родители ему квартиру купили на Ваське. Закончит универ, сразу переедет.

– Да ладно?! – не скрyla я удивления.

Сабуров, конечно, был из обеспеченной семьи, не чета моим родителям, но чтоб расщедриться на квартиру к окончанию учёбы... хотя... я ничего не знала о бывшем однокласснике, может, давно прикуплена вилла в Италии, где-нибудь на озере Комо.

– Ладно, – передразнила Кристи. – Вот выскочишь за Вовку, тоже с квартиркой будешь.

– Угу, с видом на море, – кивнула я.

Со своим парнем я познакомилась в конце осени, на дискотеке военного училища, куда мы заскочили в приподнятом от бутылки шампанского настроении. Никто не мог вспомнить, какая муха нас всех укусила, что отправиться к курсантам показалось отличной идеей.

Вова с друзьями решили тряхнуть стариной, обычно пятикурсники слишком круты, чтобы опускаться до развлечения вторых, третьих курсов, но тогда в компании главенствовало пиво.

Позже я узнала, в тот день Вову бросила девушка, с которой он встречался с начала второго курса. Дело уверенно шло к свадьбе, как вдруг получил от ворот поворот. Мне была отведена роль временной замены, однако наш вялотекущий роман продолжался уже примерно полгода.

Всерьёз я наши отношения не рассматривала, но и разрывать не спешила. Не хотелось оставаться одной, когда вокруг крутили интрижки и романы, страдали от несчастной

любви, купались в фейерверках счастливой. Очереди из парней под моей дверью не наблюдалось, на безрыбье и Вовка – осётр.

– Привет, – буркнул Егор, когда открыл дверь.

– Привет, – ответила я, всучив пакеты, те, что были у Кристи, он перехватил сразу. Джентльмен.

Нас проводили в просторную, светлую кухню по широкому коридору с висящими портретами на стенах. Репродукции это были или настоящие картины, не разобрала.

Кристи глазела по сторонам с нескрываемым интересом, примеряясь. Может, представляла, как будет здесь жить, растить детей, или квартиру на Ваське, с точно таким же здоровенным коридором в картинах.

Краем сознания я отметила, что мебель на кухне дорогая, ремонт отличный, стильный. Всё новое, современное, начиная от бытовой техники, заканчивая освещением. Не то чтобы я разбиралась в марках или могла отличить антиквариат от новодела, но это была самая красивая квартира, которую я встречала.

– Посидишь, – не то спросил, не то утвердил Егор, водружая пакеты на круглый стол, едва не снеся вазу со свежими розами по центру.

Я молча кивнула. Посижу, конечно, куда я денусь.

– Кофе можешь, – неопределённо махнул подбородком в сторону кофемашины и пенала со стеклянными дверцами с посудой, не выглядящей для ежедневного пользования.

Сабуров схватил за талию таращащуюся по сторонам Кристи и потащил из кухни, что-то настойчиво шепча на ухо. Почти сразу парочка скрылась из вида, послышались смешки, умильное хихиканье, щелчком закрылась дверь, видимо, в его комнату.

Мне же оставалось лишь терпеливо ждать, когда голубки намилуются. От скуки начала перебирать продукты, прикидывая, всё ли взяли: мясо, хлеб, овощи, зелень, специи, фрукты, майонез, кетчуп, куриные крылья, вяленая и копчёная рыба, тушёнка, две банки завтрака туриста, печенье, сушки, шоколадки, зефир...

Под столом красовались две упаковки пива, несколько бутылок водки, вино красное и белое, два шампанского, лимонад, сок – всё это накануне купили парни, благородно свалив на нас продукты и готовку.

Выглядело, словно мы на неделю ехали, а не на полтора дня. Не хватало собачьего корма, вдруг кому-нибудь по пьяной лавочке захочется отведать, и жареных тарантулов в комплекте с осиными крекерами.

Постояла у окна, глядя на родной двор-колодец, точно такой же вид, как из нашей кухни, только этажом ниже. Несколько машин, козырьки над парадными, серое небо в отражении луж, у грязно-охровых стен жалкие остатки сугробов, покрытые чёрным.

Покосилась на кофемашину... кофе хотелось, но разобраться с кнопками или, того хуже, сломать желания не воз-

никло. Достала двухлитровую колу, пить из горла паршивая идея, решилась взять бокал. Ничего страшного не случится, даже если он из чистейшего, как слеза девственницы, хрустала. Попью, помою, уберу на место.

Выбрала тот, что ближе, взяла, направилась к столу с заветной колой, как вдруг услышала громкий, мужской, нарочитый кашель. Медленно обернулась и застыла, как сурикат в свете фар. Сурикат с бокалом.

В дверях кухни стоял парень, вернее – мужчина лишь в полотенце вокруг бёдер. Полотенце большое, шириной по колено, держалось значительно ниже пупка, открывая вид на плоский живот и бесстыжую поросль тёмных волос. Высокий, широкоплечий, с накаченными руками и грудью, на которых красовались точно такие же волосы.

Сообразив, что бесцеремонно пялюсь на тело незнакомца, подняла взгляд к лицу. Тёмно-каштановые волосы, слегка вьющиеся, спадающие на лоб упрямой прядью, светло-карие глаза, выразительные черты лица, упрямый подбородок – вот там никакой растительности. Не красавец, нет, но притягивающий взгляд, как магнит.

Я продолжала изображать столб, держа бокал, позабыв, что хотела пить. Парень, вернее мужчина стоял в дверях, сканируя меня взглядом. Мысленно провела инспекцию внешнего вида.

Светлые, прямые волосы почти до пояса. Из макияжа только тушь для ресниц, без которой не обойтись с моей

бледностью, стрелки и подкрашенные брови. На губах с утра была яркая помада, сейчас вряд ли осталась.

Спортивная фигура, чёрный тонкий обтягивающий свитер, заправленный в чёрные же джинсы, тонюсенькая золотая цепочка с крошечным кулоном. Поразить нечем, чтобы так долго разглядывать...

– О, здоров, ты дома, что ли?! – громыхнул появившийся Егор.

За его спиной мелькнула слегка помятая, но неприлично довольная Кристи.

Вздрогнув, я заторможено наблюдала, как, словно в замедленной съёмке, бокал выскользнул из моей руки и разбился на несчётное количество осколков, которые рассыпались по тёмному паркету.

В то же мгновение незнакомец оказался рядом, молча отодвинул меня, присел, ловко закамуфлировав полотенцем то, что ниже пояса, тщательно убрал битое стекло, выбросил в мусор и тут же вышел. Не произнеся ни слова.

– Прости, – пролепетала я, глядя на Сабурова.

– Ерунда. Обычное стекло, – ответил тот небрежно. – Этот громила кого хочешь напугает, – засмеялся он. – Брательник мой, старший. Не узнала?

– Нет, – неопределённо повела плечами.

До сего момента я не знала, что у Сабурова есть брат. Мы, конечно, были одноклассниками и оставались соседями, но я никогда не задумывалась о составе его семьи. Зна-

ла, что есть бабушка, которая приходила в школу, и которую время от времени встречала на лестнице.

– Это не я громила, а ты задохлик, – раздалось громогласное и одновременно доброжелательное от двери. – Познакомь с девушками-то, или жалко?

Тот, что минуту назад щеголял в полотенце, успел переодеться в однотонную серую футболку и серые же тренировочные штаны, подчеркнувшие внушительные габариты.

– Кристина, – показал Егор на Кристи. – Милана, – небрежно кивнул в мою сторону. – Кристи, если что, со мной, – добавил он. – Рус – мой старший брат, которого не должно было здесь быть.

– Очень приятно, Милана, – ответил Рус, Кристи он проигнорировал, может из-за слов брата «она со мной». – Эльбрус, – добавил он.

– Что Эльбрус? – не поняла я.

– Имя такое – Эльбрус.

– Как гора? – опешила я.

– Как гора, – усмехнулся Эльбрус, глядя прямо в глаза, заставляя моё сердце колотиться с невероятной скоростью.

Я едва не задохнулась и чуть не потеряла сознание. Впервые меня откровенно, не стесняясь, имели взглядом, не опуская глаз ниже лица.

– Какие планы, молодёжь? – резко оторвался от меня Эльбрус, повернулся к брату.

Я выдохнула слишком громко, но в тот момент было

всё равно, главное, что светло-карие глаза перестали меня буравить, переворачивая внутри что-то, ранее неизвестное, пугающее до одури и смущающее одновременно. Не могу сказать, что это было приятно.

– На дачу едем, – Егор показал взглядом на пакеты и алкоголь. – Водка пить, земля валяться. Шашлык-машлык, все дела.

– На электричке? – Эльбрус скептически осмотрел наши запасы, потом брата и нас с Кристи.

На мне задержался чуть-чуть дольше, в эти злосчастные «чуть-чуть» я чуть не провалилась, спёрло дыхание, что-то внутри завибрировало, кончики пальцев вздрогнули в иррациональном желании прикоснуться к губам Эльбруса. Вот просто взять и прикоснуться, почувствовать какие они? Тёплые, мягкие, или наоборот, жёсткие, сминающие?..

– На такси, потом электричке, – спокойно ответил Егор.

– У меня предложение. Я отвожу вас на дачу, вы меня кормите шашлыком и водкой, – предложил Эльбрус.

Хотя нет, не предложил, поставил в известность.

Глава 4

– Слушай, Сабуров – он кто? – я подняла озадаченный взгляд на Кристи, от которой услышала вопрос.

Мы расположились за большим столом из массивного дерева с точно такими же огромными лавками и нарезали салат из свежих овощей. Рядом сосредоточенно кромсала лук Аня – однокурсница, её с другом, который тоже учился с нами, встретили на станции. Олег отсыпался после суток практики на скорой помощи, упав на первый диван, куда ткнул палец хозяина дома.

– В каком смысле «кто»? – переспросила я. – Егор он. Георгий.

– В смысле национальности, – вполголоса прошелестела Кристи.

– Без понятия, – равнодушно пожала плечами.

За девять лет знакомства у меня ни разу не возникло вопроса, какой Сабуров национальности, сейчас тем более не собиралась об этом думать, пусть хоть единственным оставшимся шумером окажется.

– Вдруг он с Кавказа, мусульманин? – продолжила Кристи. – Нравы там, жуть, конечно... – тяжело вздохнула.

Видимо, план хорошо устроиться за счёт Сабурова уже не казался таким шикарным, как несколько часов назад.

– Егор с Милой в одном классе учился и свинину на шаш-

лык одобрил, – вставила рассудительная Аня.

Мы все по разным причинам оказались в колледже, Аня была из тех, кто поступал осознанно, всерьёз собиралась связать свою жизнь с медициной, как и Олег. На этой почве и сошлись, сначала зубрили вместе, практику проходили, потом стали встречаться, теперь подыскивали совместное жилье.

– Русский он, – сделала я вывод.

– У него брата Эльбрусом зовут! – перебила меня Кристи, округлив глаза. – Эль-брус, – проговорила по слогам, будто я с первого раза не слышала.

– Эльбрус и Эльбрус, спроси сама своего Сабурова, кто он, – огрызнулась я.

Вот кого обсуждать совершенно не хотела – это старший брат Сабурова. В идеале вообще никогда в жизни больше не встречать, забыть, выкинуть из памяти. От одной мысли об этом Эль-брусе мурашки размером с айсберг, потопивший Титаник, неслись по телу, разгоняя волну жара.

Добирались мы на дачу родителей Сабурова на машине Эльбруса, на огромном внедорожнике, под стать хозяину, мощном. Меня посадили вперёд, рядом с водителем, сладкой парочке понадобилось тискаться на заднем сидении, другого времени и места не нашлось.

Всю дорогу сидела как на иголках, силилась смотреть ровно перед собой, с нарочитым интересом рассматривала проталины, жухлую траву, остатки снега, лысые деревья вдоль

трассы, что угодно, лишь бы не бросать взгляд на водителя. На то, как уверенно, вальяжно он управлял такой-то махиной. Одна рука расслабленно лежала на руле, вторая на рычаге передач, время от времени переключая. Невозмутимое выражение лица, лишь изредка сведённые брови, когда бросал взгляд в зеркало заднего вида, где отражался наш Твикс.

Машина заехала за широкие глухие ворота, прокатилась мимо двухэтажного дома с полуколоннами, крыльца с портиком, плавно остановилась у строения, оказавшегося гаражом.

– Приехали, – констатировал Эльбрус, заглушая мотор. – Сиди, – отдал он приказ в мою сторону, заставив замереть.

Обычно такое покровительственно-наглое отношение со стороны мужчин меня возмущало, могла огрызнуться, поставить на место, здесь же молчала, как кролик перед удавом, лишь хлопала ресницами, как безвольная матрёшка.

Он подошёл к двери с моей стороны, распахнул, протянул руку, приглашая выйти. В оцепенении смотрела на широкую ладонь, понимала, что увернуться не получится, да и глупо как-то...

Кристи выпорхнула из салона, с улыбкой принимая помощь Егора, Аня тоже благодарно вцепилась в ладонь Сабурова, даже полусонный Олег, не сообразив, что происходит, облокотился на руку, а я изображала из себя невесть что, непонятно по какой причине.

– Здесь лужа, – услышала я низкий, бархатистый голос

Эльбруса, от которого неуместно и сладко перехватило дыхание.

Посмотрела на приманивающий жест, он словно кошку звал, которая ни в какую не хотела даваться в руки, потому что все рефлексы, инстинкты кричали этой кошке – беги!

Всё-таки протянула руку, сама не поняла, как оказалась в крепких объятьях, стальных и нежных одновременно. Щёки полыхнули огнём, пальцы ног невольно подобрались, сердце едва не захлебнулось от глупого восторга.

– Говорю же, лужа, – услышала я горячий шёпот у лица.

Очнулась, когда меня поставили на узкий тротуар вдоль гаража, якобы случайно задев полоску кожи между задравшимся свитером, курткой и поясом джинсов.

– Надо заняться, – небрежно бросил Эльбрус, показывая глазами на углубление асфальта, в котором действительно стояла вода.

Я отчётливо поняла, что заняться он собрался вовсе не ремонтом.

– Пойдём, – подтолкнул застывшую меня Егор, показывая в сторону дома.

Когда Сабуров пригласил в баню на дачу, отпраздновать первые тёплые денёчки после продолжительной, надоевшей зимы, представлялось что-то типа щитового дома, отдельно стоящую баню с предбанником, где мы будем отдыхать и спать потом вповалку в одной-двух комнатах. На деле увидела другое.

Егор показал несколько комнат для гостей на первом этаже, буркнул, что сами разберёмся, кто, где и с кем будет ночевать. После отвёл в «банный комплекс» – это был именно комплекс, с русской парилкой, сауной, хамамом, бассейном, купелью, комнатой отдыха со столом и лавками, с отдельным выходом на улицу, и располагался он прямо в доме – проход туда из дома был через широкий коридор, уставленный деревьями в кадучках. Бассейн был слит, набирать его смысла не было, долго и прогреться не успеет, в купели же плескалась ледяная, прозрачно-голубая вода.

С девчонками мы переоделись в купальники, замотались в простыни и начали готовить, Егор в это время отправился на улицу, разжигать мангал, куда запропастился Эльбрус, я не знала, в тайне мечтала, что он исчезнет до конца выходных, мало ли, какие дела у человека могут появиться.

– Неудобно как-то спрашивать, – вернула к насущному вопросу национальности своего парня Кристи.

– Предлагаешь мне спросить? – уставилась я на подругу, не знаю, почему разговор начинал нервировать.

Вроде ничего такого, случайный интерес, или не случайный, учитывая планы Кристи на Сабурова, но я-то причём? Не проще ли поинтересоваться у него самого, исключая посредников.

– Тебя не научили родители, что говорить о людях за их спиной неприлично? – раздалось за нашими спинами, заставив меня выронить от неожиданности нож.

Эльбрус обошёл нашу компанию по разделке овощей, сел напротив, небрежно кинув полотенце на скамью. За-чем-то я подтянула простынь, испытал почти неконтролируемое желание закрыться до самых ушей. Никогда ещё открытая шея и ключицы не приносили настолько острое чувство незащищённости.

Мужчина, сидевший напротив в одних плавках, не смущал меня, нет, он вызывал желание провалиться сквозь землю. Спрятаться от сканирующего взгляда и мощного, обнажённого тела. Ничего же особенного, мы находились в бане, было бы странно, если бы Эльбрус заявился во фраке, и всё равно брала оторопь от вальяжной позы, в которой он сидел, от полиамида, который плотно облегал...

Господи, я посмотрела ниже пояса постороннему мужчине! В подобных обстоятельствах не приходило в голову разглядывать то, что у Вовы в трусах, а здесь ещё и оценить успела, и впечатлиться.

– Продолжай. – Хорошо, что Эльбрус не заметил моего интереса, он в упор смотрел на Кристи, взял огурец и с хрустом откусил, та стусевалась.

– Девчат, можно нанизывать первую партию! – Закатился в комнату Егор, заноса запах костра и талого снега. – Сейчас по сто грамм, закусим, потом попаримся... – он замолчал, уставившись на Эльбруса, выразительно хрустящего огурцом.

– Вот девушка интересуется, какой ты национальности, –

спокойно проговорил Эльбрус, бросив взгляд на брата и побледневшую, пошедшую красными пятнами Кристи.

– Чего-чего? – заржал Егор, усевшись рядом с Эльбрусом. – Снова-здорово!

Такие же светло-карие глаза, схожие черты лица, ниже на полголовы, уже в плечах, в целом худосочней и бледнее, он почти потерялся рядом с братом. Выглядел как подросток на фоне зрелого, фактурного мужика.

– Удружил папаша, да? – Егор хлопнул по плечу Эльбруса, широко и беззаботно улыбаясь. – Мог бы или тебя назвать имечком попроще, или меня каким-нибудь Махаджиром, но нет, мы не ищем лёгких путей, – продолжал смеяться, как ни в чём не бывало, разряжая обстановку.

Кристи быстро отошла, растянула губы в улыбке, Аня продолжала невозмутимо резать зелень, словно и не было минутной напряжённости, которую можно было покромсать, как помидор.

Я зачем-то подняла взгляд на Эльбруса, нервно облизнув губы и тут же столкнулась со смеющимися глазами, обладатель которых определённо не злился, скорее забавлялся происходящим.

– Меня в честь спасателя назвали, который помог матери в родах, – спокойно сказал Эльбрус. – Родители в молодости альпинизмом увлекались, отец пошёл в горы, мама уже на сносях была, но всё равно поехала, осталась ждать внизу, в гостинице. В тот день гроза была страшная, сель сошёл,

туристов эвакуировали, от волнения в дороге родила. Спасателя Эльбрусом звали, отец в честь него меня назвал.

– Ух ты! – восхитилась Кристи. – Романтично...

– А то! Машину сносит селем, гроза, дождь, экстренные роды, – усмехнулся Эльбрус.

– Ты прямо помнишь, – закатился Егор.

– В деталях, – Эльбрус сотрясал воздух громким смехом, заставляя мурашки на моём теле нестись в панике в поисках убежища. – Что ты там про сто грамм говорил? – перевёл тему, видимо, история собственного героически-романтического рождения уже поднадоела.

Интересно, сколько раз за жизнь Эльбрусу приходилось рассказывать её?

Егор с Эльбрусом отправились на улицу к мангалу с первой партией шашлыков, мы закончили с салатом, пошли в парилку, пока там не слишком жарко.

В голове начинало шуметь от двух бокалов вина и банки пива, которые выпила, пока готовили и накрывали на стол. Я растянулась на простыне, смотрела в потолок, прислушиваясь к разговору Кристи с Аней.

– Не думала, что узкие специалисты столько зарабатывают, – рассуждала Кристи, говоря про мать Сабурова, которая как раз работала хирургом, каким и где – история умалчивалась. – Плачут из каждого утюга про копеечные зарплаты, а у самих дома с колоннадами...

– Это не колоннады, – зачем-то вставила я, будто имеет

значение, чем отличаются полуколонны от колоннады.

Просто когда живёшь в центре Питера, само собой является встроенная функция, слова вроде «акротерий» или «балясина» перестают быть пустым звуком.

– Ой, Кристи, всегда будут бедные и богатые, – небрежно ответила Аня. – Главное – жить в ладу с собой.

– Точно, – кивнула я, не веря словам Ани.

Против себя идти, конечно, не стоило, вот только игнорировать финансовую составляющую может себе позволить только хорошо обеспеченный человек или совершенный альтруист, я не была ни тем и ни другим.

Мимо стеклянной двери прошли Егор с Эльбрусом, неся готовое мясо. Егор бросил взгляд в нашу сторону, показал жестом, что нужно идти к столу. С облегчением выбралась на прохладу, прыгнуть в купель не рискнула, но умылась ледяной водой с удовольствием.

– Я пойду Олега разбужу, – Аня поскакала в сторону коридора в дом, где отсыпался сердечный друг.

Кристи тоже покинула меня, отправилась «попудрить носик», нанести косметику, что кажется бессмысленным занятием в бане. Я смыла то небольшое, что было на лице, краситься не собиралась. Бледная, с неровным румянцем, но так даже лучше, меньше взглядов от одного рождённого в грозу и дождь мужчины, от которых внутри всё сворачивалось и вибрировало на высоких частотах.

Зашла в комнату отдыха, предварительно закутавшись

в простыню, была бы моя воля, спряталась с головой.

– Иди, шампанского холодного глотни, – дружелюбно махнул в мою сторону Егор, протягивая фужер с игристым.

Я остановилась в нерешительности, прикидывая, куда лучше сесть. Там, где сидела раньше, расположился Егор, с ним рядом место Кристи, рядом Аня, а я вроде как лишняя... садиться рядом с Эльбрусом не было желания, напротив него тем более.

– Садись, – указал на место рядом с собой Эльбрус, передвигаясь на лавке. – Пей, пока не выдохлось, – забрал фужер у Егора и бесцеремонно приставил к моим губам, второй рукой поставил тарелку, пододвинул салат и мясо. – Закусывать не забывай.

Не покидало ощущение, что это не я должна закусить горячим мясом, а мной собираются перекусить. Сожрать живьем хотят, слопать, чавкая от удовольствия, не спрашивая моего на то позволения. А я почему-то не возражала...

Глава 5

Парни ещё несколько раз выходили на улицу, возвращались с новыми порциями мяса или куриных крыльев, которые тут же сметали, как саранча.

Олег едва не мурчал от удовольствия, налегая на еду, что, в общем-то, понятно. Полуголодный студент столько еды одновременно видит только когда возвращается домой, к маме с папой, и то не факт. Насколько было известно, родители Олега не шиковали, потому он с первого курса работал везде, куда брали.

Егор перерабатывал поданные блюда с энтузиазмом электромясорубки, быстро и без разбора. Эльбрус не отставал, только, в отличие от остальных, он едой наслаждался, откровенно кайфовал, впиваясь в сочное мясо или кусая помидор. Было в этом действе что-то первобытное, манящее и до одури смущающее.

Меня порядком развезло, с трудом удавалось контролировать эмоции, тем более взгляды. Поймала себя на том, что откровенно пялюсь на Эльбруса, рассматриваю, как шикарный, редчайший экспонат.

Ещё бы этот экспонат не замечал моих взглядов, только он всё видел, плотоядно улыбался и иногда подмигивал, вызывая желание провалиться сквозь землю, а лучше уйти прочь. Вот так, в купальнике и простыне, прямо по улице с не рас-

таявшим снегом на опушках. Плевать, хоть остыну, избавлюсь от жгучего морока.

– Мужуку природой заложено осеменить как можно больше самок – инстинкт размножения, – пьяно и невнятно нёс Сабуров, одновременно жуя шашлык. – Полигамия – наше право! – провозгласил он и поднял рюмку с водкой.

Кристи глупо хихикнула, присоединилась к импровизированному тосту. Аня с Олегом, похоже, не слышали пламенной речи, молча подняли бокалы с вином, а может, держали своё мнение при себе. Им-то какое дело до полигамии Сабурова?

Я решила не спорить, мне тоже не было дела, что Сабуров думает о моногамии, полигамии, полигинии, полиандрии и прочих «поли» вообще, и об инстинкте размножения в частности. Не мне с ним размножаться.

Эльбрус выпил полную до краёв рюмку, не поморщившись, через несколько секунд неспешно закусил, окинул брата насмешливым взглядом, сказал:

– Ты же медик, значит, в биологии шарить. У человека нет инстинктов, ни полового, ни материнского, ни самосохранения, никакого, кроме ерунды, типа секундного поднимания бровей. Есть рефлексы – условные и безусловные, – быстрая нейронная связь и автоматизированная реакция на раздражитель. Человек по факту высший примат, а чем высокоразвитей млекопитающее, тем меньше у него инстинктов.

– Ну, рефлекс размножения, – отмахнулся Сабуров. – Самец должен оставить след в природе, он так запрограммирован.

– Тогда не обижайся, когда самка притащит тебе детёнышей от другого самца, – загоготал Эльбрус. – У самок тоже инстинкт – выбрать самого сильного самца, подходящего для продолжения рода.

Сабуров с минуты пялился пьяным, расфокусированным взглядом на брата, потом перевёл его на Кристи, нахмурился, будто та прямо сейчас отправилась искать более подходящего самца для продолжения рода.

– А, плевать, – сделал он вывод, нарвавшись на недовольный щипок от Кристи. – Пойдём, – махнул рукой в сторону парилок.

Все, кроме Эльбруса, дружно двинулись за ним. У меня желания париться не было, в голове шумело и клонило ко сну, но оставаться наедине со старшим братом Сабурова не хотела больше.

Чувствовала какую-то неясную опасность, которую объяснить толком не могла. Не накинется же он на меня прямо здесь, когда остальная компания всего в нескольких метрах. Неловкость я ощущала от его изучающих, бесцеремонных взглядов, главное – от собственной реакции на эти самые взгляды.

Подскочила, засеменила следом за всеми, хватаясь за простынь, как за цитадель собственного целомудрия, никак

не меньше.

Оголённая шея – волосы я собрала в высокий пучок – пылала, по позвоночнику побежали ледяные, колючие мурашки, лопатки покрылись гусиной кожей, ладони мелко подрагивали, когда я шла в сторону парных, понимая, что следом шагает Эльбрус.

Почти в панике я скрылась в хаммаме, надеясь, что в пару пылающего лица не будет видно, или что Эльбрус проигнорирует этот вид парной. Там уже растянулась Аня, блаженно закрыв глаза, рядом, сидя на каменной скамье, пристроился Олег.

– Егор на улице, – коротко сказал он. – Перебрал.

– Понятно, – кивнула я, устраиваясь напротив.

Пар обволакивала тело, проникал в каждую пору, расслаблял. Закрывает глаза, невольно представив, как точно так же обволакивает горячее дыхание Эльбруса. Вздогнула от собственной фантазии. Всё, с алкоголем на сегодня покончено.

Я резко встала, стряхнула морок, поспешила к выходу. Рядом с купелью встретила Кристи, она спешила от двери с улицы, обхватывая себя руками.

– Блин, холодно, – процокотала она. – Пошли в сауну, – схватила ледяной рукой и потащила в нужную сторону. – Егор совсем расписался, свалился прямо на лавочку у мангала, хорошо, что Рус вышел, отвели в спальню, – говорила она на ходу.

В сауне Кристи продолжала стучать зубами, не забывая

рассказывать, что увидела на втором этаже Сабуровского дома.

– Там зал метров сорок, не меньше, диван здоровенный, телевизор на всю стену, прикинь. Я вообще раньше таких телеков не видела, даже в магазине. А на первом этаже камин, прикинь. Живут же люди...

– Ну, да, – кивнула я.

Живут. Кто-то живёт, а кто-то хлеб жуёт, кому-то супчик жидковат, кому-то жемчуг мелковат. Можно восхищаться, завидовать, стремиться к такому же уровню жизни, но лучше трезво смотреть на вещи: такого положения я если и добьюсь, то годам к пятидесяти, сейчас главное работать, повышать квалификацию, ставить реальные цели, а не «зал с телевизором во всю стену».

Рассказ о чудесах интерьера и уровня жизни Сабуровых прервал вошедший Эльбрус.

– Двигайтесь, девчонки, – с широкой улыбкой проговорил он.

Кристи мгновенно отодвинулась от меня, освобождая место между нами, сразу же туда шлёпнулось полотенце, уселся Эльбрус, сузив помещение довольно просторной сауны до крохотной коробки.

Я поняла, что он специально сел ближе ко мне, попробовала было отодвинуться, но рядом была горячая стена, пришлось остаться на месте, подавить желание вытянуться по струнке, а лучше сбежать. Не хотелось выглядеть глупо,

повести себя по-детски.

Мужская нога, будто невзначай, касалась моей ноги, заставляя внутри что-то вибрировать, трепетать. Я придвинуться ближе, но оставалась недвижима, ожидая, когда эта мука закончится, или сознательно продляя её.

– А чем ты занимаешься, Рус? – услышала вопрос Кристи откровенно флиртующим тоном, почти призывным.

– Сижу в сауне с красивыми девчонками, – загоготал тот в ответ, между делом придвинувшись плотнее ко мне, небрежно раскинув и вытянув длинные, мускулистые ноги вперёд.

Я покосилась вбок, мазнула взглядом по расслабленной позе, вздымающейся груди, плоскому животу, низко сидящим плавкам... стоп!

Перескочила взглядом на стеклянную дверь, за которой переливалась бирюза купели.

– По жизни, – уточнила Кристи.

– Если по жизни, – спокойно произнёс Эльбрус, после секундной паузы. – У меня сеть СТО, фитнес-клуб и два магазина детский товаров – коляски, игрушки, подгузники, сейчас думаю открыть магазин для беременных.

– Машины и подгузники? Как это сочетается? – удивилась Крис, я, если честно, тоже.

– Бизнес, никакой разницы, что продавать, соски, воздушные заслонки для карбюраторов, бордюрный камень или услуги. Деньги делают деньги, неважно, посредством че-

го.

– Прикольно, – вздохнула Кристи. – Девушка у тебя есть? – зачем-то спросила.

– Ищешь более сильного самца для продолжения рода? – ухмыльнулся Эльбрус, повернувшись к Кристи, распахнувшую глаза от подобной наглости.

Повёл плечом, от чего мышцы пришли в движение, демонстрируя силу, буквально исходящую от него. И ещё что-то откровенно мужественное, почти животное, гипнотизирующее.

– Я просто беседу пытаюсь поддержать! – почти искренне возмутилась Кристи.

Откровенно говоря, Эльбрус настолько выигрывал у собственного брата, что никто бы не удивился, не осудил, если бы Кристи вдруг переметнулась к нему. От этой мысли стало нехорошо, противно стало, мутно...

Хотя меня-то точно он не интересовал в качестве парня, тем более «самца», слишком уж... мужчина. Я откровенно не понимала, как впитать в себя всю ту ауру, которая витала вокруг него, остаться при этом в уме и памяти, не растерять себя.

– А ты что скажешь? – вдруг повернулся ко мне Эльбрус, заставив подпрыгнуть на месте от неожиданности.

– О чём?

– Тебе не нужен самец для продолжения рода? – с усмешкой спросил он, едва заметно мазнув кончиком языка по сво-

ей нижней губе, отчего у меня свело вниз живота, опалило там тягучем жаром.

– У меня парень есть, – вспыхнула я. – Вова!

– Во-о-о-о-ова, говоришь? – протянул Эльбрус, окидывая меня очередным изучающим взглядом.

Остановился на груди на мучительно долгие доли секунды, заставляя меня сжаться, а соски, напротив, напрячься, выделиться сквозь голубую ткань купальника. Я тут же пожалела о своём выборе, ведь был же у меня купальник с плотным пуш-апом, поролон бы точно скрыл мой позор. Нет же, взяла с верхом треугольниками и трусиками-танга.

– Вова, – кивнула я. – Он курсант, и скоро мы поженимся, – добавила я для убедительности.

Кого и в чём пыталась убедить, непонятно. Да, Вова есть, да курсант, да, может быть, мы поженимся. Почему нет? Хотя он никогда не заикался о совместной жизни, и я не думала в этом направлении, что странно, если задуматься. У него на носу выпуск, распределение, у меня конец учёбы. Если думать о совместном будущем, то сейчас, а не когда его отправят на Дальний Восток, я же найду работу в приличном салоне и продолжу учёбу.

Вскочила, отправилась наружу, душно стало невыносимо. Ни вдохнуть, ни выдохнуть не могла. Следом поспешила Кристи, видимо решила, что оставаться наедине со старшим братом собственного парня паршивая идея. Если ставить на Сабурова, то на младшего – безопасней, как мини-

мум.

Не успела я подойти к краю купели, без намерения нырнуть – вода ледяная, страшно окунуться, – как меня смело напрямиком в эту голубую леденящую гладь, одним сильным махом.

Я вскрикнуть не успела, как очутилась в воде, перепуганная донельзя, бьющая со всей дури руками, в ужасе открывая рот, не в силах произнести хотя бы звук.

Меня обхватили сильные мужские руки, казавшиеся в ледяной воде раскалёнными, прижали к большому, тёплому телу, провели раскрытой ладонью от груди до края плавок, остановившись на животе – всё одним быстрым, уверенным движением, сразу подтолкнули в сторону бортика и вытолкнули наверх.

Выскочила как ошпаренная, схватила полотенце, протянутое смеющейся Аней, в глазах которой произошедшее выглядело, как пьяная шалость, начала обтираться, игнорируя изо всех сил однозначные сигналы собственного тела.

Неожиданные эмоции, подпитанные алкоголем, резкий перепад температур, близость мужского тела, настолько откровенно мужского, что выбивало дух, заставили тело напрячься тугой пружиной в ожидании чего-то. Внизу живота прострелило, ниже стало настолько влажно и горячо, что от неожиданности я решила, что начались критические дни. Ведь понимала, что дело совсем в другом, в возбуждении, которое свалилось на меня нежданно-нагадано, когда

совсем не хотела этого.

С пылающим лицом отправилась в уборную. То ли чтобы прийти в себя, то ли убедиться в том, что ничего не началось, то ли в том, что началось. Мысли путались, хаотично кружились, отказываясь выстраиваться в более-менее последовательный ряд.

Пришлось умыться холодной водой, досчитать до ста и обратно, прежде чем вернуться к людям.

Глава 6

Празднование прихода весны продлилось ещё несколько часов. За это время Сабуров успел поспать, вернуться, вновь напиться, что на старые дрожжи случилось быстро, и снова отправиться восвояси, в этот раз с точно такой же пьяной Кристи.

Аня с Олегом хмелели медленно, но методично, к концу вечера тоже уже мало что соображали, хотя она и пыталась помочь мне с посудой.

Я к спиртному больше не притрагивалась, усвоила урок, потому гора грязной посуды и остатки еды, которые нужно было убрать до утра, достались мне.

– Всегда так, – услышала я насмешливое от Эльбруса. – Кто меньше пьёт, тому и убираться. Помогу, – поставил он в известность.

Меня хватило лишь на короткий кивок. Вместе убрали со стола, отнесли посуду в посудомойку – признаться, впервые видела вблизи это чудо техники, поглядывала с интересом, стараясь скрыть любопытство – остатки еды положили в контейнеры в холодильник «сайд бай сайд» – тоже чудо для меня.

– Твоя комната, – глухо произнёс Эльбрус, останавливаясь у одной из одинаковых дверей на первом этаже. – Твои вещи я занёс, – распахнул дверь, показывая на мою небольшую

дорожную сумку. – Кровать заправил.

Понимание, что он прикасался к постельному белью, на котором мне придётся спать, ввело в неожиданный ступор. Переступила с ноги на ногу, глядя на резиновые тапочки на собственных ногах, суетливо одёрнула клетчатые шорты и футболку, в которых стояла.

Скромный домашний костюм, почти монашеский, только судя по блуждающему взгляду Эльбруса, выглядела я, как опытная куртизанка в изысканном неглиже, дока в соблазнении.

Сделала шаг в комнату, Эльбрус шагнул за мной, закрыл дверь за спиной, посмотрел на меня прямо, от чего меня буквально заколотило. Светло-карие глаза прожигали во мне дыру размером с космос, становилось горячо в груди, сердце лихорадочно билось, кровь неслась с нечеловеческой скоростью.

– Скажи мне «нет», – потребовал он, именно потребовал, а не попросил или подсказал.

– У меня есть парень, – прохрипела я, что, к моему ужасу и стыду, не прозвучало как «нет».

– Нет у тебя мужчины, – уверенно проговорил Эльбрус, всё так же прожигая взглядом. – Был бы, ты не оказалась бы здесь.

– Но ты сам... сам показал эту комнату, – залепетала я, оправдываясь.

– Вообще здесь, в сауне, без него, в компании пьяных му-

жиков.

– Женщина сама может решать, где ей находиться и с кем, – вспыхнула я.

– Так реши, – произнёс он.

Сделал несколько шагов, пересекая расстояние между нами. Встал вплотную ко мне, возвышаясь надо мной, как гора, а ведь я не крошка полтора метра в прыжке. Медленно обхватил мою поясницу широкой горячей ладонью, притянул к своему телу, вжал, качнул бёдрами и замер, глядя на меня.

Опешила, обалдела, сошла с ума, офонарела – любой синоним подойдёт, чтобы описать то, что я почувствовала. Такого ведь не бывает...

Не может такого быть, если это не аномалия какая-нибудь – мегалопенис, например, встречается при аномально высоком уровне тестостерона.

Или может? Господи, о чём я думаю, вообще?! О члене старшего брата Сабурова! Хотелось самой себе надавать по щекам, чтобы очнуться наконец.

Протиснула между нами ладони, упёрла в твёрдую грудь, попыталась отодвинуться, не чувствуя никакого сопротивления, эффекта, впрочем, тоже. Эльбрус легко сдерживал мои попытки вывернуться, словно не чувствовал их, будто я была крошечным котёнком, а он львом, или горой, которую невозможно просто взять и сдвинуть.

– Скажи словами, – потребовал он. – Скажи «нет», я сразу уйду.

Язык присох к нёбу, я рассыпалась, растворилась, исчезала в тяжёлом дыхании над моей макушкой, в тепле сильных рук, в безусловной силе тела рядом со мной. Иррационально, совершенно глупо хотелось почувствовать это тело не через ткань футболок и бюстгальтера, а кожа к коже, как тогда, в купели.

Словно услышав мои мысли, ладонь Эльбруса скользнула под мою футболку, прошлась по спине до защёлки лифчика, ловко справилась с ней, я лишь выдохнула, распахнув глаза.

– Теперь отказ не принимается, – поставил в известность.

Поднял на руки, через секунду опустил на кровать. Эльбрус нависал сверху, легко удерживая свой вес, разглядывал меня, будто мороженое слизывал, глубоко и выразительно дышал, заставляя меня дышать так же в унисон.

Приподнялся на колени, снял с себя футболку, отбросил в сторону. Потянулся за моей, быстро расправился, следом с лифчиком, который слетел мгновенно, будто только этого и ждал.

– Да, чёрт, шикарней, чем я думал, – невнятно пробормотал, глядя на мою оголившуюся грудь с напрягшимися сосками.

Одно колено занёс между моих ног, лёг сверху, перекатился, укладывая меня сбоку, опустил губы к шее. Прошёлся к местечку за ухом, чуть прикусил мочку, спустился к ключицам, дразня языком. Наконец, обхватил жадно ртом сосок, второй накрыл ладонью, сжав между пальцами.

Если до этого мгновения я относительно соображала, фиксировала в сознании происходящее, наблюдая как бы со стороны, не в силах отказаться, то сейчас я попросту потерялась в кружащих голову ощущениях. Настолько отчаянно сильных, что единственное, что получалось – не захлебнуться в собственных эмоциях, стремительно доводящих меня до грани, отправляя за грань.

Кружило, затягивало в воронку ощущений, терялись мысли, причинно-следственные связи, всякое понимание происходящего. Осталось лишь жгучее желание чувствовать, прикасаться, целовать, отдавать, брать.

Я ощущала, как сквозь шорты об мою ногу трётся член, и больше не думала о том, большой он или нет, единственное, чего хотела, чтобы он заполнил неизвестно откуда взявшуюся пустоту внутри меня.

Большая ладонь легла между моих ног, тяжело сжала, потёрла, вырывая судорожный вздох, заставляя шире раздвинуть ноги, приподнять бёдра и двинуться навстречу настойчивым движениям.

В следующую секунды шорты вместе с трусами медленно поползли вдоль ног, оставляя меня обнажённой, бесстыже распахнутой перед мужчиной. Захотелось прикрыться, запоздалый стыд нахлынул волной, но был подавлен одним движением руки, которая зафиксировала мои руки, прижав к моему же животу.

Эльбрус двумя пальцами провёл по гладким половым гу-

бам, заставив ощутить насколько там влажно, как никогда в жизни. Легонько прикоснулся к клитору, обвёл вокруг, не дотрагиваясь до самого пика, хотя именно этого я ждала, вопреки собственному стыду. Опустил палец ниже, остановился у входа, подразнил немного, зашёл, заставляя меня выгибаться от запретного удовольствия и лёгкой, жгучей боли, от которой, вопреки логике, я получала настоящее удовольствие.

Где-то на грани яви и небытия, когда мои губы отвечали на чрезмерно откровенные, жадные поцелуи, грудь тёрлась о распалённое мужское тело, широко раскрытые бёдра бесстыже требовали продолжения, почувствовала у входа головку члена.

Посмотрела вниз, туда, где почти соединились наши тела. Эльбрус обхватил член, придвинул большую головку к набухшим половым губам и медленно водил от клитора до входа, заставляя меня выгибаться, рефлекторно прося логичного продолжения.

Мозг отключился начисто. Не понимала кто я, с кем, почему оказалась здесь, знала одно – хочу продолжения. Хочу, чтобы эта махина наполнила меня собой, хочу стать одним целым, единым организмом с одними потребностями.

Тягучий поток желаний перебила резкая, жгучая боль, вырвавшая меня из зыбучего, нереального удовольствия. В ужасе я заколотила по спине и груди Эльбруса, начала ёрзать в попытке вырваться.

– Т-ш-ш-ш-ш, – всё, что ответил Эльбрус на мои попытки, однако, остановился.

Посмотрел на меня сверху вниз с нечитаемым выражением лица, опёрся на одну руку, второй вытер слёзы с моих щёк, прошептал:

– Говорил же, нет у тебя мужчины. Потерпи, терять уже нечего.

Качнул бёдрами, вырывая у меня стон отчаянной боли и новую порцию слёз. Меня просто разрывало, чувствовала себя бабочкой, в которую наживую вкручивают энтомологическую булавку.

– Нет, не надо, – заныла я, ощущая соль на губах. – Потом, в следующий раз, попозже, – зачем-то лепетала, не понимая, что вообще несу.

Какой следующий раз? Об этом думать страшно, не то, что предлагать, тем более обещать. Похоже, с половой жизнью я завязала, толком не начав.

– Предлагаешь подождать, пока другой разработает? – глухо ответил Эльбрус. – Вот так не будет больно, – пообещал он несбыточное.

Переместился, не вынимая из меня орудие пытки, как-то особенно нежно провёл ладонью по моему лицу, остановился на губах, снова качнул бёдрами, я в ужасе открыла рот, ожидая очередную волну боли, но её не последовало. Дискомфорт был, оставалось жжение, но сильная боль исчезла.

Постепенно стало возвращаться удовольствие, не такое

обволакивающее и всепоглощающее, как до этого, покрытое стыдом и осознанием, что я сотворила, но всё-таки это было неизведанное мне раньше удовольствие, такое приятное, что я не понимала, как я дожила до двадцати лет и не попробовала ни разу.

– Сейчас потерпи немного, – услышала хриплый голос Эльбруса.

Сразу после этого он начал ускоряться, вколачиваться в меня ритмично, вбиваться, а я... я не смогла себе объяснить случившееся, только от нахлынувших ощущений, от понимания, что этот мужчина – взрослый, сильный, наглый, – ловит неприкрытый кайф от того, что даёт ему моё тело, меня повело, заставило взвиться в смеси боли и наслаждения и испытать первый в жизни оргазм.

Ведь это же был оргазм, а не обморок?

Глава 7

С работой по-прежнему ничего не выходило, меня не брали никуда, даже в самые отстойные «салоны» в подвальных помещениях, не отвечающим ни одной норме СанПиНа. Постепенно я теряла надежда найти хоть что-нибудь, мало-мальски по специальности. Отведённые две недели прошли, и я решила пойти на рынок.

– Не выдумывай лишнего, – нахмурился папа за общим завтраком, когда сказала, что собираюсь устроиться к маме, как раз требовался продавец на вторую точку.

– Не понимаю спешки, – поддержала мама отца. – Тебе есть нечего? Жить не на что и негде? Подумай лучше, как повысить квалификацию, пойти учиться, а там, бог даст, устроишься. Мы с отцом достаточно зарабатываем, чтобы прокормить тебя и Тиму. Не миллионы, сама знаешь, но на картошку с мясом и зимнюю обувь точно хватит.

– Я не маленькая девочка, чтобы меня содержали родители, – попыталась я отрезать.

Достаточно того, что я сломала устроенный быт родителей, перевернула их налаженную жизнь с ног на голову. Теперь, вместо неспешных прогулок по загородным паркам, так любимых ими, они вечерами носятся с внуком на игровой площадке, в выходные просыпаются от детского смеха и мультиков.

– От этого быть нашей дочерью ты не перестала, – возразил отец.

Невольно подкрались слёзы, быстро отвернулась к окну, уставилась на угол ярко-голубого неба – нечастого гостя в наших краях. Как же давно я не чувствовала человеческой поддержки, настолько, что даже родительскую принимала с трудом, щетинилась, как пугливый ёж.

– Ну-ну, – обняла меня мама. – Всё наладится, вот увидишь.

Очень хотелось верить этим словам, но никак не выходило. Сколько лет я обещала себе, что всё непременно наладится. Вова перестанет, наконец, пить, мой доход начнёт расти, но становилось только хуже, сейчас тем более. Ни работы, ни обозримой перспективы на трудоустройство, ни своего жилья, ни приличной заначки, благодаря которой можно продержаться во время обучения.

– Мама, пойдём посмотреть на Неву? – с неподдельным энтузиазмом предложил Тима, когда дедушка с бабушкой отправились на работу. – На корабли!

– Корабли ещё не пришли. День Флота в конце июля, – напомнила я, показывая на настенный календарь.

– На пассажирские!

– Пойдём, – вздохнув, согласилась я.

Суббота, занятия, куда обычно отвожу Тима, закрыты, полноценно искать работу всё равно не получится. Лучше провести время с сыном, чем предаваться унынию и самоед-

ству – ничего от этого не изменится, время вспять не повернётся.

Собиралась тщательней обычного, на подсознании, помимо воли всё время ждала встречи с Эльбрусом. Ведь встретились мы дважды, значит, и третий раз может быть. Привычные джинсы заменили брюки, однотонную футболку шёлковая блуза с коротким рукавом, в ход пошла недорогая, но стильная бижутерия. Немного подумав, надела туфли на высоком, устойчивом каблуке. Нанесла лёгкий макияж и брызнула духами – любимым со времён юности ароматом.

Тима, естественно, рвался прокатиться на одном из катеров, устраивающим прогулки по рекам и каналам города, пришлось пообещать, что если будет хорошо себя вести, в следующий раз обязательно, сегодня просто посмотрим.

Вести себя хорошо у Тимы получалось с трудом. Для начала он попытался залезть в фонтан напротив Адмиралтейства, в итоге ограничился тем, что намочил руки. Носился вокруг деревьев Александровского сада, от нерастраченного энтузиазма выскакивая на цветочные клумбы, врезался в степенных прохожих, едва сам не попал под колёса самокатчика. Со всей тщательностью обтёр верблюда у памятника Пржевальскому.

Я одёргивала сына только тогда, когда он мешал остальным людям, бронзовый верблюд же был словно специально установлен, чтобы его обтирала неугомонная малышня. Не только я переживала сложный период в жизни, Тима то-

же.

Это я ушла от мужа-алкоголика, отказавшись ехать в чуждый мне Краснодарский край, жить с его родителями, Тима же в одночасье лишился отца. Вова не уделял внимания сыну, игнорировал его присутствие, но ребёнок, не видевший другого отношения, принимал равнодушие за любовь. Просто папа занят, он настоящий моряк, офицер, защищает границы нашей родины – а это не шутка какая-то, а самая настоящая военная служба!

Он потерял привычный мир, друзей по двору и садику, отдельную комнату, многие игрушки, которые я попросту не смогла увезти с собой. Обещала Тиму вернуться, забрать, понимая, что больше не переступлю порог в прошлую жизнь. Надеюсь, что постепенно забудется и робот-конструктор, и огромный, раздолбанный грузовик, который стал бы отдельным местом в багаже, согласись я его тащить.

– Что такое «пржевальскому»? – после внимательного изучения куска гранита с надписью, спросил Тима.

– Пржевальский – это фамилия учёного, географа. Читай, что дальше написано, – подсказала я.

– Первому исследователю природы центральной Аз... я не знаю такой буквы, – Тима обиженно смотрел на надпись, буква «І» поставила его в тупик.

– Азии, – прочитала я. – Исследователю Центральной Азии. Это такая буква «и».

– Где это Центральная Азия? – проигнорировав букву,

спросил Тима. – Там море есть, а военные корабли? – задал самый ожидаемый вопрос из всех, какие только могут слететь с его уст.

Куда бы мы ни шли, о чём бы ни говорили, первым делом требовалось уточнить, есть ли в этом месте море и военные корабли. Ведь для сына моряка самое важное, чтобы были корабли и море.

– Нет, – пожала я плечами.

– Ладно, – покладисто согласился Тима и снова полез на верблюда.

Устав, я шлёпнулась на лавочку у детской площадки, тут же, в Адмиралтейском саду. Верблюд, как и сам господин Пржевальский Николай Михайлович, были забыты, погребены под впечатлениями от бесчисленных корабликов, катеров, прогулочных теплоходов на Неве. И самого настоящего пиратского судна, пришвартованного на Мытнинской набережной. На самом деле тематический ресторан, но переубедить Тиму не стала, пиратское судно – значит пиратское. Выглядело действительно внушительно и атмосферно.

Тима, съев мороженое, поймал второе дыхание и носился между качелями, я же мечтала оказаться дома, снять осточертевшую обувь на каблуках, вытянуть ноги и закрыть глаза. За время на Кольском я успела отвыкнуть от суеты центра Санкт-Петербурга, особенно в туристический сезон.

– Мила? – услышала я смутно знакомый женский голос.

Повернулась, в первое мгновение не узнала сидящую ря-

дом. Женщина лет двадцати пяти, тридцати, довольно приятная, худенькая, с градуированным каре, в подростковой толстовке, широких джинсах, белых кроссовках.

– Аня. Аня Краснополова, – подсказала она то, что я и так поняла, только вслух сказать не успела.

– Я, – кивнула. – Привет. Какими судьбами?

– Да мы как бы живём в Питере, – засмеялась Аня. – Вот ты откуда? В отпуск приехали, с мужем?

– Навсегда, с сыном, – не стала я лукавить.

Кому-нибудь другому может и соврала бы, скрыла то, что стало с моей жизнью. Не люблю делиться проблемами, неприятностями, радость – другое дело. Жаль, что радость в моей жизни в огромном дефиците.

– Понятно, – коротко кивнула Аня. – Ух ты, твой? – обрадовалась, когда подскочил Тима, глянуть, с кем же разговаривает мама.

– Мой, – потрепала я по макушке Тиму.

– Похож... на тебя похож, только тёмненький, – отреагировала Аня.

– Так все говорят, – согласилась я привычно.

Вот такой у нас с Вовой родился сын – одно лицо со мной, только брюнет со светло-кариими глазами. Чего только в природе не бывает, каких чудес не встречается.

– Вы же на Просвете жили? – перевела я разговор.

– И сейчас живём. Думаем в ипотеку влезть, сколько можно по чужим углам маяться, но который год только дума-

ем, дальше дело не идёт. А тут так, погулять выбрались. Моя красотуля, – показала в сторону малышки лет трёх, старательно перекладывающей лопаткой песок из одной кучки в другую.

– Ого, как на Олега похожа! – ничуть не соврала я.

Действительно, дочка Ани была копией Олега. Они сыграли свадьбу примерно через три года после нашей с Вовой, нас приглашали, но мы не сумели вырваться, вернее, я нашла повод не ехать, ноги не несли в родной город. Хотелось забыть всё, что связано с ним, кроме родителей, конечно. Если бы они в то время сказали, что переезжают в Кейптаун, я бы поддержала. Лучше приезжать в гости в самую южную точку Африки, чем в парадную, где выросла и могла в любой момент встретить отца своего ребёнка.

Какое-то время мы с Аней общались, переписывались, поздравляли друг друга с новым годом, Рождеством, днями рождения. Постепенно общение сошло на нет. У каждой своя жизнь, печали и заботы, не до дружбы стало.

– На работу нужно было, ключи случайно забрала, – сказала Аня. – Пришлось с Василиской ехать, Олег после суток.

– Он всё ещё на скорой?

– На ней, – Аня недовольно повела носом. – Не зря говорят «скоряк – это диагноз», а я после декрета не стала выходить, задолбало, терапевтом пошла в частную. Благо работы чуть всего – заключения подписывать, капельницы красоты назначать, детокс и всякое такое, хроников и дэпников

точно нет. График приемлемый, хоть семью вижу, зарплата нормальная, особенно когда в двух филиалах сижу. Олегу говорю, уходи со скорой, не работа, а издевательство. Нет... сдохнет скорее, чем уйдёт. А может, и правда кони двинет от пьянки, – вздохнула Аня, я вместе с ней.

О том, что скоряки пьют, всем известно. Работа изматывающая, убивающая даже. Контингент чаще всего сомнительный, дегенераты, бабульки-истерички, дедки-дементики, ДТП со смертельными исходами, когда вместо человека кровавое месиво остаётся... ещё и начальство даёт просрать-ся, во всех бедах виноватыми выставляя, бумажной работой завалили по самые уши.

И Олег начал пить, Аня какое-то время входила в положение, сама работала там же, бок о бок с мужем, была верным соратником, другом, а то и собутыльником, теперь – всё.

– Меня, кстати, Кристи наша пристроила, через Сабурова. Он же теперь пластический хирург, круговая подтяжка, блефаропластика, липофилинг лица, всё такое. Важный, капец просто! Но имеет право, ничего не скажешь, не у каждого своя косметическая клиника с филиалами на каждом углу. В Москву пробился, в Сочи.

– Да уж, не у каждого, – горько усмехнулась я.

– Ты же тоже косметолог? Не сменила профиль?

– Собираюсь менять на продавца на рынке. Сыр «Российский», «Пошехонский», окорок «Тамбовский»...

– Что случилось, Мил? – Аня внимательно на меня по-

смотрела.

– Долго рассказывать, – отмахнулась я.

– Я не тороплюсь, – мягко ответила Аня, легко прикоснувшись к моему локтю.

Как-то само собой я рассказала свою историю, не слишком подробно, чтобы не опуститься в собственных глазах ещё сильнее, чем уже находилась. Столько лет терпеть мужа-алкоголика, верить в исправление, а потом, когда вера истончилась, просто жить по накатанной, боясь сделать шаг в сторону – разве в таком признаешься?

– Всё пьянка проклятая, – понимающе кивнула Аня. – Слушай, ты не отчаивайся. Давай, я позвоню эйч-ару нашему, хорошая девочка, вдруг найдётся тебе местечко.

– У меня опыта, считай, нет, – напомнила я.

Куда мне в клинику Сабурова. Если там пластические операции делают, явно не подвальный салон со скудным предложением. И это самая незначительная моя проблема, связанная с семейством Сабуровых. Где младший брат, там может быть и старший, мне же с лихвой хватало понимания, что в любой момент мы можем встретиться в парадной. Достаточно того, как колотилось сердце, когда однажды я увидела его машину в окно. Всего-то крыша автомобиля, а меня трясло как в лихорадке. Нет...

– Они всё равно сами учат, только после этого к людям подпускают. Будешь поначалу чистки делать, маски, массаж лица. Знаешь, как востребовано! Не все под нож ло-

жаться, щадящих бьюти-процедур достаточно, чтобы хватило на хлеб с красной икрой, – подмигнула Аня, по своему трактуя моё замешательство.

– Элина Викторовна, привет, – не дожидаясь моего ответа, Аня набрала нужный номер. – Нет, всё хорошо. Я по какому делу звоню, у меня девочка знакомая вернулась в Питер с Кольского полуострова, косметолог, ищет работу. Хороший, конечно. Учиться согласна, на стажировку тоже. Поговоришь? Сегодня?.. – Аня вопросительно посмотрела на меня и, не дожидаясь ответа, с готовностью произнесла: – Мы подойдём.

– Слышала? – победно посмотрела она на меня. – Повезло! Пошли скорее, она завтра в Таиланд улетает на три недели, зашла дела подтянуть, если вы друг друга устроите, в понедельник уже на учёбу выйдешь.

– У меня документов нет с собой.

– В понедельник принесёшь, главное на учёбу попасть, следующий набор уже зимой.

– Слушай, странно это. Без документов, без всего...

– Ничего странного, на тебя во время учёбы во все глаза смотреть будут, если не понравишься – дадут от ворот поворот, но как ты можешь не понравиться, помню, как тебя в пример преподы ставили, и правильно делали, между прочим. Так что пошли, пока Элина Викторовна в хорошем настроении.

Глава 8

Учёба подходила к концу, оставалась всего лишь неделя, и я – трудоустроенный специалист. Конечно, если сдам экзамены, но в этом-то не сомневалась. У меня железная мотивация учиться, ни одного пропуска или незначительного замечания. Выкладывалась я по полной, ни разу не позволила себе схалтурить или опоздать. Мной были довольны и обещали место в хорошем, читай «с большой проходимостью», салоне, а это приличные деньги.

Поначалу я бесконечно дёргалась. Встречаться с Сабуровым совсем не хотела, отвечать на его вопросы тем более, о потенциальной встрече с Эльбрусом старалась не думать в принципе из чувства самосохранения – в этом случае единственным верным решением было бы бросить учёбу, но это слишком огромная роскошь, непозволительная.

Постепенно успокоилась, между делом выяснила, что ведущей хирург работает в центральном филиале клиники и нос не кажет к простым смертным – рядовым косметологам. Большая часть персонала видела его лишь на новогоднем корпоративе, а кто-то не видел вовсе.

Несколько раз напротив учебного комплекса, у административного корпуса, видела машину Эльбруса, вернее, похожую. Номер не запомнила, автомобиль дорогой, но не такой и редкий, чтобы делать однозначные выводы. И вообще,

у него бизнес, помнится, связан с авторемонтом, или что-то такое, далёкое от косметологии.

Выходило, что я могу проработать минимум до нового года без страха быть пойманной, на корпоратив же идти совсем не обязательно, или можно смешаться там с толпой. Зачем сейчас об этом думать? Сейчас всё складывалось как нельзя лучше. Сама не верила, что всё происходит со мной. Повезло!

С Аней и детьми мы собирались пойти на празднование Дня Военно-Морского Флота. Наконец-то горячо ожидаемые Тимой корабли зашли в Неву. Накануне мы гуляли с ним по набережной, любовались махинами шаровой окраски. Я не чувствовала и толики ностальгии, морской флот ассоциировался у меня с вечно пьяным Вовой и бестолково прожитыми годами, а вот Тима смотрел во все глаза, перечисляя то, что видит.

Смотри, ракетные корабли, здесь катер, а там крейсер. Артиллерийско-торпедный, гляди-гляди, эскадренный миноносец. Корабли противоминной обороны. Жалко, что авианосец «Адмирал Кузнецов» до сих пор на ремонте. Вот на него бы посмотреть! Но ничего-ничего, починят, папа будет там служить, уж он-то покажет Тиме все-все, самые тайные уголки корабля.

Я кивала, не спорила, лишая сына иллюзии, что его отец – самый настоящий боевой офицер, не хотелось. Вырастет, постепенно во всем разберётся, пока версия с дальним

кругосветным походом звучала лучше, чем правда, в которой папа укатил под бок драгоценному самогонному аппарату.

Аня не смогла пойти на парад, причину я спрашивать не стала. За пару месяцев общения поняла, что с Олегом у неё серьёзные проблемы, лезть с неуместным интересом или советами не хотела. Хотя и заикнулась пару раз, что не стоит играть в спасателя, не нужно погружаться в зависимость, сложно выбраться. Честно сказать, не уволь Вову командование, я бы так и жила на Кольском, считая, что пусть плохо, зато стабильно. И всё равно когда-нибудь жизнь наладится, рассосётся само собой.

А вот Тима не мог пропустить такое событие. Принарядился, потребовал погладить ему майку расцветки тельняшки и специально купленную для таких случаев белую бескозырку. От меня тоже потребовал быть нарядной, и это вовсе не коктейльное или вечернее платье, украшения и стильная обувь, а точно такая же майка вкупе с белыми брюками. Подумав, нанесла лёгкий макияж и надела босоножки на удобном каблуке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.